

ПРЕДИСЛОВИЕ

Просто для ясности —
Не ной в дороге.
Будешь нить — застрянешь
Где-нибудь с такими же людьми,
Как ты сам.

Стивен Данн,
Перед отъездом¹

Я все время думаю, что мог бы, а может, и должен был бы быть нормальным человеком и просто включать телевизор и смотреть спортивные передачи в свободное от работы психотерапевтом время. (Если хотите знать, моя любимая команда — «Филадельфия Иглз». По этой причине фанаты «Далласа» и «Нью-Йорка» не получают эту книгу и должны прекратить чтение прямо сейчас.) К сожалению, у *Даймона*, очевидно моего *Даймона*, похоже, другие идеи. Это как если быть серийным убийцей. У меня нормальные желания, я нормально хожу и разговариваю, а потом какая-то зловещая сила берет верх.

Что такое *Даймон*, спросите вы. Это дух-покровитель, руководящий посредник между богами и людьми. Это не бог и не демон. Это автономное герметическое звено между высшими и низшими силами. (Гермес был вестником богов; у римлян он стал Меркурием, его образ — логотип Western

¹ Пер. с англ. Е. Новиковой.

Union².) Платон рассказывал, что Сократ сам не говорил, это Даймон говорил *через* него, используя его в своих целях. Так же и художник, который пишет картины или сочиняет музыку. Даймон направляет руку, дает энергию. У человека есть только один выбор — подчиниться Даймону или нет.

Даймон обращается к каждому из нас разными способами, хотя мы часто сопротивляемся его настоящему присутствию. Большинство из нас во многих случаях находят способы ускользнуть от его назойливого призыва. Иногда это уклонение приводит к тихой, спокойной жизни, но, возможно, оно также ведет к уменьшению длительности путешествия, а иногда и к патологии. Как однажды сказал Юнг, невроз — это подавленный или забытый бог. Так же, я думаю, обстоит дело и с Даймоном.

Когда я был молодым человеком, я добросовестно трудился над диссертацией о напряжении противоположностей, проявившемся в жизни и творчестве поэта У. Б. Йейтса³. Вскоре после этого я написал первую в Америке книгу об относительно неизвестном на тот момент в Америке британском драматурге Гарольде Пинтере⁴ — и все это до 30 лет. Чтобы

² В логотипе Western Union не используется и никогда не использовался образ Меркурия. Он используется в логотипе GoodYear. Логотип компании существует с 1901 года и обыгрывает отсылку к изображению бога Меркурия, символизирующего скорость. Также образ используется в марке Mercury от американской компании Ford. — *Примеч. ред.*

³ Уильям Батлер Йейтс — ирландский англоязычный писатель, поэт, драматург, выдающийся деятель западноевропейской литературы XX в. — *Примеч. ред.*

⁴ Гарольд Пинтер — английский драматург, поэт, режиссер, актер, общественный деятель. Один из самых влиятельных британских драматургов своего времени. Лауреат Нобелевской премии по литературе 2005 года. — *Примеч. ред.*

получить работу в академических кругах, я должен был продемонстрировать, что могу это сделать. А потом я остановился на десятилетия. Как ученый я должен был публиковаться или погибнуть. Но что-то внутри меня протестовало, и я заглох на два с половиной десятилетия. Если бы я хотел писать по заданию, я бы стал журналистом или копирайтером в рекламной фирме — обе эти профессии, несомненно, почетны. Но это внутреннее сопротивление было убедительным и, видимо, требовало от меня чего-то большего, чем просто продвижение по службе или рост зарплаты.

Я был профессором гуманитарных наук в частных и государственных университетах, а затем в 1977–1982 годах, стремясь, возможно, проникнуть глубже жизни сознательного ума, решил пройти юнгианское аналитическое обучение в базовом *Институте К. Г. Юнга* в Цюрихе. Вернувшись, я начал выступать и преподавать в Филадельфии, затем в Уилмингтоне, Оттаве, Атланте, Портленде, Сиэтле, Ванкувере и Монреале, а вскоре и повсюду, чаще всего в юнгианских обществах. Затем неожиданно появился Даймон, протиснулся сквозь стены адаптивного «я» и начал меня преследовать. Из этого получилось еще 16 книг плюс диссертация, защищенная в Цюрихе, которая стала книгой, и она до сих пор не отпускает меня. Часто мне хочется сказать: «Хватит, достаточно!» Но это не проходит.

Итак, я рассматриваю эту книгу как «поздние» эссе, учитывая, что все они были написаны в последнее время и что мне 80 лет и я имею дело как минимум с двумя видами рака. Поскольку рак уничтожил всю женскую половину моего рода, мне следовало бы сказать «итоговые», но я также знаю, что лучше ничего не предсказывать. Боги, видимо, смеются над такой инфляцией и снова отправляют Даймона с его назойливой миссией.

Причина, по которой я обращаюсь к теме, которая, казалось бы, не имеет прямого отношения к жизни читателя, заключается в том, что, возможно, я нашёл что-то, что окажется полезным. Однако, продолжайте в том же духе. Я говорил, что не хотел поддаваться давлению и публиковаться, чтобы доказать свою квалификацию, получить незначительное повышение зарплаты, продвижение по карьерной лестнице и более комфортное рабочее место. И я рад, что удержался. Но, в конце концов, противостоять мятежным требованиям внутреннего Даймона я не смог.

В первой половине жизни мы призваны построить это, достаточно сильное, чтобы войти в мир, иметь с ним дело, соответствовать его требованиям и создать в нем жизненное пространство для себя. Это, видимо, все, чего требует взросление, и все, чего ожидает жизнь. Но если нам посчастливилось прожить дольше этого срока, мы часто обнаруживаем, что бескрайнее море внутри нас начинает подмывать наши берега другими настойчивыми требованиями. Хотя я не подчинился академической среде, в конце концов я не смог не подчиниться Даймону. На самом деле, я думаю, смысл всей второй половины жизни (вторая половина используется скорее метафорически, чем хронологически) заключается в том, чтобы найти или подчиниться чему-то большему, чем потребности нашего эго, чему-то большему, чем наши комплексы с их настойчивой болтовней.

Если первая половина жизни — это *«что мир хочет от меня и как мне удовлетворить его требования»*, то вторая половина — это *«что хочет войти в мир через меня?»*. Я считаю, что мне выпала честь узнать ответ на этот вопрос, который я решал разными способами на протяжении последних десятилетий. Я также верю, что все мы плаваем в тайне, и эта тайна — то, что некоторые называют голосом Бога, некоторые

Даймоном, некоторые «судьбой», — ищет своего выражения *через нас*. Мы — скромные проводники. Неважно, хотим ли мы этого, — нас настигает. И чем больше мы подчиняемся, тем богаче становится наша жизнь, потому что мы наполняем некой энергией и переживаем нашу жизнь как осмысленную, какой бы конфликтной и травматичной она ни была. Опыт непреходящего смысла обретается не в сфере удовольствия, достатка или достижений, как мы когда-то считали, а в отдаче себя чему-то развивающему, искупительному и расширяющему, чему-то проходящему через нас, чему-то желающему воплощения *через нас*.

Подчинение чему-то большему, чем наше эгоистическое мировоззрение, не кажется большинству людей привлекательным. Эго, как правило, новорожденный тиран и, хотя и заблуждается, считает, что его знаний достаточно, что оно за все ответит и сделает правильный выбор. И честный анализ нашей истории, и частое переживание мятежной психопатологии как выражения бунта внутри нас говорят об обратном. Но эго продолжает свое обесценивающее шествие. Таким образом, я пришел к согласию с теми религиозными мыслителями и мистиками, которые на протяжении многих тысячелетий утверждали, что если мы не подчинимся чему-то большему, то непреднамеренно подчинимся чему-то меньшему и тем самым окажемся недостойными войти в историю.

Как я уже упоминал, во время написания этой книги я прохожу курс лечения от двух видов рака, а также пытаюсь уберечься от пандемии. Я описываю свое отношение к этим нежелательным ограничениям как «воинствующее подчинение». Хотя прогноз хороший, впереди долгий путь подчинения лечению, как и у многих других. Давно смирившись с тем, что я смертен, и приняв тот факт, что теперь мне придется быть в плену медицинского режима, я планирую оставаться

активным и развиваться настолько, насколько это возможно в данных обстоятельствах. Я хочу продолжать жить полной жизнью по многим причинам — чтобы быть рядом с моей Джилл и другими людьми, которым я могу понадобиться, и чтобы продолжать учиться, потому что жизнь становится все интереснее и интереснее. (К тому же любой год, когда мы побеждаем «Даллас», — это год, который стоит прожить.) Но я также готов уйти, зная, что мне посчастливилось прожить интересную и долгую жизнь, что не удастся большинству людей. Так на что же жаловаться?

В детстве я считал своих учителей — а я могу назвать их всех до одного, начиная с Эстер Ханн, местного библиотекаря, — своими героями, потому что они познакомили меня с большим миром.

Я видел, как мой отец жертвовал своей жизнью, работая на заводе и разгребая уголь ради нас. Я видел, как моя мать жертвовала своей жизнью, работая секретарем. Оба были благородными людьми, и оба были настолько измучены и подавлены тревогой, настолько стеснены бедностью и отсутствием образования, настолько лишены надежды на что-то большее, что этот пробел заполнили мои учителя и, что-то во мне увидев, дали полезные советы.

Много лет спустя, когда я писал свою книгу о ранах и исцелении мужчин, я нашел своего бывшего футбольного тренера из колледжа и написал ему. Он был еще жив и проживал в Индианаполисе. Он был достаточно любезен, чтобы написать мне ответ карандашом: «Рад тебя слышать, Джими. Мы помним те дни: тебя сбивают с ног, ты встаешь, застегиваешь шлем и готовишься к следующей игре». Вот и все, но это был урок на всю жизнь. Так почему бы мне не посвятить свою жизнь образованию? И вот уже почти шесть

десятилетий я преподаю. Помимо работы в университетах я преодолел более полутора миллионов воздушных миль, выступая с лекциями, чаще всего в юнгианских обществах. (После всех этих взлетов и приземлений, зная физику полета, я все еще не могу поверить, что нечто, весящее сотни тысяч фунтов, из алюминия, авиакеросина и всех этих маленьких пакетиков с арахисом⁵, действительно может оторваться от земли и взлететь.) Некоторые лекции, такие как «Перевал в середине пути. Как преодолеть кризис среднего возраста», «Сотворение жизни», были более 60 раз прочитаны для разных аудиторий. Я никогда не уставал повторять одну и ту же тему, потому что аудитория всегда была разной, а благодаря взаимодействию с аудиторией и я становился другим. (Как отмечал Юнг, все отношения — это алхимия, меняющая обе стороны, независимо от того, знают они об этом или нет.)

Для меня как интроверта такие публичные выступления — неестественный поступок, но вскоре я научился напоминать себе, что хорошие люди на этих мероприятиях были там не из-за меня, а потому что жаждали инструментов и идей, которые помогли бы им в жизни. Если я считаю, что аналитическая психология Юнга была для меня полезной, почему бы мне не поделиться этим с другими, как это сделали для меня мои учителя? В общем, я благодарен всем им за то, что они были рядом со мной в этот сложный период жизни. А еще я благодарен судьбе за возможность жить в то время,

⁵ Раньше бортпроводники раздавали пассажирам пакетики с арахисом в качестве перекуса, также автор цитирует шутку из сериала «Друзья (Friends)»:

— Вот она! О, посмотрите... Правда, мать-природа удивительна?

— Это самолет.

— Когда тысячи пакетиков с арахисом пролетают на такой высоте, это тоже удивительно. — *Примеч. ред.*

когда у детей, находящихся в трудных обстоятельствах, есть будущее.

Среди моих клиентов старше 65 лет большинство видят сны, в которых пересматривают свою жизнь, пытаются, возможно, разглядеть нити преемственности, старые раны — как их понимали тогда и как понимают сейчас. Что те события, люди, исторические случайности заставили человека сделать или чему помешали? И что еще предстоит сделать — не только для завершения дел, но и для дальнейшего развития?

Благодаря автономным и неумолимым движениям психики нас постоянно затягивает в разворачивающееся будущее. Наше эго, обычно находящееся под влиянием того или иного комплекса, как правило, шагает по улице задом наперед и постоянно испытывает шок, когда попадает в какую-нибудь яму. Человеческая психика большую часть времени ужасно консервативна. Она стремится сохранить *прежний статус-кво* как можно дольше, даже если мир вокруг изменился. Это глупо, но мы все так поступаем. Я написал одному клиенту, застывшему от страха: «Ничего не изменится, пока вы не решите, что страх — это плохой ориентир для управления кораблем. Все, с чем вам придется столкнуться, никогда не будет таким ужасным, как жизнь беглеца. То, с чем вам придется столкнуться, возможно, испугает ребенка, но взрослого только побеспокоит». Вспомним, что Сэтчел Пейдж сказал: «Никогда не беспокойся, пока неприятности не беспокоят тебя», но взрослый рано или поздно должен взять на себя ответственность, иначе у ребенка никогда не будет рядом такого человека, как взрослый, чтобы его защитить. Как сказал конгрессмен Джон Льюис, найдите «хорошую проблему» и примите участие в ее решении. А грек Зорба добавил: «Иногда нужно подтянуть ремень и отправиться на поиски неприятностей».

Предисловие

Итак, хотя наша самая конструктивная жизненная позиция — это движение вперед и вверх, парадокс заключается в том, что такое развитие может также заставить сдаться — сдаться не только перед старением, проблемами со здоровьем и превратностями внешнего мира, но и перед переменой мест. Недавно подруге и коллеге приснилось, что она плывет на лодке в открытом море, а из глубины появляется огромная рыба, и она обнаруживает себя на белухе, которая несет ее и ее лодку: «Когда он движется подо мной, я плыву вместе с ним по инерции, зная что это кит, а не я управляю лодкой. Это чудесное плавание, и я улыбаюсь, когда кит уплывает».

Разве мы все не хотим подробнее узнать о тех больших формах, которые проносятся под поверхностью нашей жизни? Разве мы не хотим испытать всю радость и ужас этого путешествия? Разве мы не хотим узнать, что несет нас по этому пути, который мы называем жизнью?

Так что читатель может понять, да и я тоже, почему нормальная жизнь и футбольные матчи пока что остаются за кадром.

*Джеймс Холлис, Вашингтон,
округ Колумбия, 2020*